

18+

Себастиан Лебедев

Патриарх всея Луны

Севастиан Лебедев
Патриарх всея Луны

«Издательские решения»

Лебедев С.

Патриарх всея Луны / С. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606772-1

Необычное сочетание профессии и местоположения, одиночества и любви открывает причины катастрофы и рассказывает альтернативную историю всемирного потопа.

ISBN 978-5-00-606772-1

© Лебедев С.
© Издательские решения

Содержание

1. Наказание	6
2. Утешение	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Патриарх всея Луны

Севастиан Лебедев

© Севастиан Лебедев, 2023

ISBN 978-5-0060-6772-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Наказание

Проблемы начались после того, как отец Григорий публично покаялся. Да да! Просто встал на амвон в Прощённое Воскресение и выложил перед народом всю подноготную. Он увлекался церковной историей и ничего лучше не придумал, как выбрать самый древний и самый экстремальный способ покаяния – публично на амвоне. В его случае, к поговорке «горе от ума» следовало прибавить ещё – «и от честности». Эти слова сработали идеально.

И всё бы ничего, только когда он отчётливо сказал: «*прелюбодеянием*», в храме воцарилась гробовая, даже какая то, первобытная тишина.

Хотя, это своё «*прелюбодеяние*» он прятал среди привычных, допустимых и наверное, не таких страшных грехов, таких как *пьянство, чревоугодие, осуждение, сребролюбие* или *гордость*. Так делали все его прихожане, что бы за словесным потоком их недостатков, не был замечен самый главный, самый страшный для них, который они не могли, да и не хотели исправлять. И отец Григорий никого не отлучал от Причастия. Он их понимал.

Но, *его* понимать не захотели.

Всегда найдётся кто – то, кто настучит в епархиальное управление.

Что бы наказать священника, не обязательно отправлять его в запрет или лишать сана. Достаточно поместить бедолагу, в максимально некомфортную для него, среду. Когда епархиальный архиерей выбирал меру пресечения для отца Григория, он руководствовался именно этим правилом и отправил его на Луну, в рамках епархиальной миссионерской программы. Благо, архиерейские связи позволяли.

Поэтому, первый вопрос, который возник в голове у отца Григория, по прибытии на станцию, – *а что я тут делаю?* – был совершенно справедлив. Он сразу же, кожей почувствовал враждебность среды – и не зря. Завидев отца Григория, научный люд смотрел на него как на питекантропа, рабочие, как на тунеядца. Он быстро понял, что очень сильно выделяется из толпы серых (рабочих) и голубых (учёных) спецовок и перестал выходить на люди в подряснике с крестом. Очень быстро он начал замечать брезгливые взгляды, слышать обидные шутки. Он даже понимал этих людей, которые так же задавались вопросом – *а что он тут делает?*

Да, заботливая и наказующая десница Господня, она такая.

Начальство, скорее всего, замечало душевные терзания отца Григория по этому поводу. Они договорились с руководством епархии и определили священника рабочим в транспортный узел. Отцу Григорию выдали серую спецовку – ну вот, теперь он ни чем не отличается от остальных. Теперь для всех он, просто Григорий и этой мысли ему стало как то легче. Да и теперь он, хотя бы, не тунеядец. Как ни странно, но разговоры вокруг него поутихли, хотя неприязнь никуда не делась.

Ему предоставили отдельное жилище, правда в самой отдалённой и самой старой части станции. Ну и что? Лишь бы подальше от всех этих глаз. И как вишенка на торте, как шуба с барского плеча, разрешили совершать богослужения. Рядом с его каютой располагался небольшой склад, метров пять длинной. За практической ненадобностью, склад расчистили и священник постепенно оборудовал его под храм. Григорию разрешили даже вывесить объявление о предстоящих службах на целый месяц. Располагая таким богатством условий, священник поймал себя на мысли, что теперь он затворник. И это его даже забавляло.

Но забавляло не долго. Как во всяком затворе бывают искушения, здесь они так же не заставили себя ждать и обрушились на Григория с особым издевательством. Строгий архиерей, требовательный благочинный и сварливая жена, всё чаще казались такими родными, такими хорошими, что хотелось их просто обнять. Хотелось к ним! А к детям особенно. Тяжёлое чувство словно сверлило ему грудь в области сердца, и он просыпался, ворочался, вставал,

бродил по своей маленькой комнате вдоль взъерошенной кровати, засыпал. А через некоторое время всё повторялось заново.

В такие моменты Григорий совсем не был похож на древних подвижников. Они – то молились, зывали к Богу. А он лежал пластом и не двигался. Но иногда заставлял себя обратиться к Небесам, брал в руки шерстяные чётки с полуострова Афон и медленно перебирал, повторяя только одну молитву: «Господи помилуй» – такие непривычные слова среди всей этой высокотехнологичной атмосферы.

Перед его глазами всплывала картинка совсем недалёкого прошлого, когда он участвовал в одной театральной постановке по заданию епархии. Там отец Григорий и провалил очередной духовный экзамен. Ему очень польстило, как одна работница местного дома культуры, лет тридцати и слегка упитанная, мило и звонко посмеялась над его шуткой на счёт сценария. И в последний день репетиции он решил с ней заговорить. Наверно потому, что у них не было общих интересов, что бы где то пересечься. Она не ходила в храм и вероятность снова встретиться равнялась нулю. А Григорий, в глубине души, встретиться хотел. Он подошёл к ней со спины, когда она листала ленту в смартфоне.

– У этого дома культуры есть страница в соцсетях? – спросил он, словно интересовался культурной жизнью.

– Не знаю, – пожал плечами она в лёгком недоумении.

– А вы не здесь работаете?

– Нет. У меня просто, дочь тут выступает.

Как мило – мама и дочь в одной постановке.

– Ааа, понял. Я думал, вы тут работаете, – Григорий и действительно так думал.

– Нее, я не отсюда, – улыбнулась она и принялась снова гладить изящными пальцами экран телефона, который наверняка мурлыкал от удовольствия на своём цифровом языке.

Григорий сделал шаг назад, не зная как продолжить, но не считал разговор законченным. Через минуту она сама повернулась к нему, показывая экран телефона. На сайте популярной соцсети сияла незамысловатая аватарка официальной страницы дома культуры, где они выступали. Григорий в душе улыбнулся от маленькой победы. И она наверное не подозревала, что с ней флиртуют. Как может флиртовать мужчина в подряснике и с крестом? Его помыслы чисты. Хотя тянуло от него сладковатым перегаром. Но, даже если и подозревала что то, от этого становилось только интереснее.

– Что у нас с микрофонами? – слышался голос режиссёра.

Григорий чуть привстал и поднял руку.

– Нам нужно три отдельных микрофона.

– У меня будет один микрофон. И после своего выступления я отдам его вам, – сказала она, любезно протянув увесистый чёрный корпус, – только надо будет нажать вот сюда, что бы он заработал, – её ухоженный ноготь коснулся красного индикатора.

– Ой, а я свои состриг, – улыбнулся Григорий.

Она засмеялась.

– Да? Ну тогда, кого –нибудь попросите нажать.

– А можно вас?

Повисла пауза. Она и хотела, что бы он попросил именно её.

– Можно. – сказала она и отвернулась.

Кого винить в последующих событиях?

Конечно, Григорий зашёл на ту самую страницу дома культуры и среди подписчиков нашёл её. Конечно, обнаружив, что у неё профиль открыт, он написал ей что то типа: «А вы помните? Это я, тот который с микрофоном и короткими ногтями». «Да да, помню. Очень

хорошо помню», – ответила она. В конце сообщения сиял улыбающийся смайлик. Конечно, Григорий добавился к ней в друзья...

Как развивались события дальше, догадаться не трудно. И кого винить? Только себя. Но, ведь если бы не обстоятельства! Как надоели все эти концерты, мероприятия, ярмарки, выступления: всё то, чем священник заниматься не должен. Это была ещё одна попытка Церкви всем понравиться. Всем тем, кто не считал нужным её посещать. И возможно, эта попытка была искренней. Но получалось бездарно. То ли от некомпетенции, то ли от недостатка средств на нужные эффекты. То ли от того и другого одновременно. Поэтому результат был почти всегда нулевой.

Григорий чувствовал негодование. Но потом он понимал, что не в его власти было участвовать или не участвовать в этой постановке. А значит, на то была воля Божья. А значит, Бог не посылает испытание выше человеческих сил. Да и вообще тут некого винить. В данном конкретном случае Григорий, уже подогретый алкоголем сам себе придумал испытание. Поэтому и последствия оказались непредсказуемы.

И теперь он здесь. На расстоянии одной световой секунды (а это очень много, не взирая на слово *секунда*) от дома, подальше от воды и растительности и поближе к радиации. Хотя воды на Лунной станции было предостаточно. Её огромные запасы хранились в виде ледников под слоем риголита. Лёд растапливали, получая необходимое количество жидкости, из которой выделяли кислород; использовали на технические нужды, а так же очищенную, её вполне можно было пить. Да и огромная корпорация «Кассиопея», сама баловала своих сотрудников разнообразным провиантом, медикаментами и даже спиртным, что бы они полностью сосредоточились на научных разработках и добыче изотопа Гелия 3. Последний пункт был в приоритете, так как составлял основной доход корпорации.

Плюс трудовых будней состоял в том, что они помогали абстрагироваться от личных переживаний. Хотя Григорий мало с кем общался, он порой решался заговорить с сотрудниками. Иногда, они сами это делали. В основном все разговоры касались работы. Один раз он был на ночном дежурстве. Хотя, слово *ночной*, в условиях Луны весьма условно. Это было время, когда основная часть персонала отдыхала, что бы за пределами Земли не сбивался биологический ритм. Кроме него, в складском помещении сидел в кресле начальник транспортного узла по имени Гога.

– Как справиться с одиночеством?

Гога посмотрел на него немного удивлённо.

– Привыкаешь, – отрезал он равнодушно так, как будто хотел сказать: «отличная попытка поговорить по душам браток, но ничего не выйдет».

Григорий решил больше не делать бесплодных попыток. Но минуту спустя Гога неожиданно сказал:

– А что тебе не нравится? Здесь работает около тысячи человек. Зависни с пацанами после смены, бухни. Там, глядишь и разговор завяжется. Только сильно не увлекайся. У нас тут алкашей не приветствуют.

– Да я имел ввиду немного другое.

– Хм, другое... – Гога откинулся на спинку кресла, – вечно вам утончённым натурам чего – то не хватает. Здесь так: привыкай! Ко всему привыкай. Иначе башка съедет.

Да, в роли духовника начальник не годился, но других наставников тут не было. Хотя Григорию чем-то понравился его категоричный ответ.

Экран монитора засветили два ярких пятна. Рация зашипела:

– Начальник открывай! Хватит спать, пора работать!

– Владлен, может лучше ты *там* помёрзнешь?

– Эээ... Ты давай болтай поменьше.

Гога улыбнулся, нажал на кнопку и впустил грузовой луноход в декомпрессионный блок. Через минуту створка внутренних ворот поднялась вверх и транспорт въехал на обширную площадку. Владлен оказался высокий мужчина лет сорока в голубой спецовке.

– Задолбался я за водителя работать, – недовольно прошипел он, – моё дело сидеть в лаборатории. У вас что ли водителей нет?

– Ой ладно, не сломаешься, – ответил Гога. – сам знаешь, сверху приказ пришёл третью шахту запустить раньше срока. Им добычу увеличивать нужно и деньги по карманам распищать, а у меня людей не хватает. Работают на износ. Вот и отдыхают.

– А ты научи кого – нибудь. Вон, этого научи, – Владлен кивнул в сторону Григория, – а то кадиллом махать любой дурак сможет.

Григорий сделал вид, что не обратил внимание на слова водителя. Он привык, что к нему относились с недоверием. Но лучше бы Гога, действительно оставил Владлена за воротами.

– Кстати, – снова послышался голос водителя, – разгружать вручную будем. Особо ценные образцы. Так что на каре разгружать не пойдёт.

Он открыл заднюю часть лунохода. Григорий подошёл и взял прямоугольный контейнер, размером с небольшую коробку.

– Ты давай поосторожней с этим.

– Я разберусь, – оскалился Григорий.

– Слышишь? Что ты там разберёшься? Это тебе не иконы твои таскать. Это опытный образец. Тебе в нём разобраться ума не хватит!

Григорий всегда замечал, что все нецерковные люди постоянно пытаются совместить несовместимое. Перед иконами молятся, их не таскают. Он остановился и поставил контейнер на пол.

– Что ты его поставил? Взял и пошёл.

– Не командуй, ты мне не начальник, – Григорий посмотрел на Гогу. Тот не обращал внимания и нёс свой контейнер к стене.

– Взял, я сказал! – Владлен явно закипал

– Да на хрену я видал твой опытный образец!

– Ты же поп, тебе нельзя ругаться, – послышался ехидный голос начальника.

– С иудеями я был как иудей, с эллинами как эллин, а с быдлом я разговариваю как быдло!

– Ты кого быдлом назвал? Урод бородатый! Я тебе сейчас втащу. Сразу вспомнишь у меня, как вы Джордано Бруно сожгли!

Бедный старина Бруно. Обычно, в споре с духовенством, научное сообщество использует его имя, как неоспоримый козырь.

– А, язычника этого что ли? – Григорий не на шутку раззадорился, хотя понимал, что в рукопашном противостоянии с Владленом у него не было шансов.

– Спокойно! – вмешался Гога и задержал руку водителя, которую тот уже занёс для удара, – мне на дежурстве происшествия не нужны.

Конфликт был исчерпан. После разгрузки Григорий сидел чуть поодаль. Гога и Владлен иногда обменивались фразами. Но, Григорий не слышал, о чём они разговаривают. Ему было не интересно. Владлен громко потягивал кофе из большой кружки.

– Послушай, – начальник оторвался от экрана и обратился к Григорию, – а какую молитву почитать, что бы волосы не выпадали? – он потёр пальцами лысеющую макушку.

Григорий нахмурил глаза. Ему на мгновение показалось, что он у себя на приходе и никуда не улетал. Он уже решил дать развёрнутый ответ по этому поводу, но следующая фраза водителя, убедила его, что оно того не стоит.

– Да, молитву от выпадения волос на лобке, – Владлен заржал и через мгновение, Гога так же начал давиться от смеха.

Григорий не стал ничего отвечать. Люди везде одинаковы, хоть на Луне, хоть в соседней пивнушке. И наказание это ему, точно за баб. Но терпеть он решил всё это, по своему.

2. Утешение

Если раньше одиночество убивало Григория, то очень быстро он стал понимать, что на станции, это его единственный друг. По крайней мере, он пытался с ним подружиться. Григорий всё так же работал на складе транспортного узла, ходил в ту же столовую, общался по работе, а долгими лунными вечерами закрывался у себя, не имея желания видеть кого-то.

Поначалу, как только он прилетел, на службу к нему приходили один или два зевающих человека. Явно из любопытства. Но в епархиальный отчёт можно было уже написать, что количество сознательных прихожан лунной станции увеличивается с каждым днём. Вот-вот появится воскресная школа, а в рваных кратерах запоют свои молитвы первые пустычники на удивление и страх местной разумной жизни. Но теперь он попросил директора снять объявление о богослужении. Что толку в зевающих, да к тому же ещё враждебных персонажах? Не дай Бог ещё Владлен заявится. Строгий архиерей, требовательный благочинный и сварливая жена перестали быть такими родными, близкими и к ним уже не хотелось. Только к детям...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.